
Злата Романова
Злодейка по наследству

Злата Романова

Злодейка по наследству

«Автор»
2026

Романова З.

Злодейка по наследству / З. Романова — «Автор», 2026

Аделина Вальморен, младшая дочь графа, унаследовала от матери главное: острый язык, любовь к мелким пакостям и полное отсутствие угрызений совести. Мать в юности была грозой бальных залов, но встретила мужа и превратилась в образцовую хозяйку с яблочными пирогами. Аделина так не умеет, да и не собирается.В Академии магии она влюблена в Кайена Рейвена, у которого есть добрая и светлая невеста Лиара. Поэтому Аделина ненавидит обоих и мечтает насолить им «не по-детски». Но кто-то подделывает её почерк, подбрасывает улики и методично выставляет её виновной во всём подряд.

© Романова З., 2026
© Автор, 2026

Злата Романова
Злодейка по наследству

Глава 1. Наследственность

Говорят, леди Изольда Вальморен в юности разбила четыре помолвки, сожгла чужое платье за десять минут до бала и ни разу не извинилась. Потом она встретила моего отца, и всё закончилось. Она вышла замуж, научилась печь яблочный пирог и теперь вышивает подушки с надписью «Дом, где любят».

Я всегда считала, что любовь — это лекарство. Встретишь своего человека, и злость вытекает из тебя, как вода из дырявого ведра.

Я встретила своего человека в первый день учёбы в Академии Арканум. Он как раз целовал другую.

С тех пор прошло два года, и ведро по-прежнему полное. Более того, оно переполнено.

— Аделина Вальморен, — произнёс профессор Грюнвальд, не поднимая глаз от списка, — вы опять опоздали.

— Я не опоздала, — сказала я, закрывая за собой дверь аудитории. — Я создала напряжение. Без меня у вас было бы скучно.

Тридцать голов повернулись ко мне. Двадцать девять выражали привычный ужас. Одна — привычное сочувствие, и вот её я вынести не могла.

Лиара Эстель сидела за вторым столом, золотистая, как свежий мёд, и улыбалась мне так, будто я принесла ей цветы, а не опоздала на экзамен. Рядом с ней, откинувшись на спинку стула и скрестив руки, сидел Кайен Рейвен.

Кайен смотрел на меня тем самым взглядом. Спокойным, чуть насмешливым, совершенно не напуганным. За два года я перепробовала на нём всё: ледяные чары на сиденье, подмену конспектов, слух о том, что он боится кур. Слух, к слову, прижился, и на прошлой неделе ему в столовую принесли чучело петуха с запиской «Мужайся». Не я. Я бы выбрала курицу, она выразительнее.

— Рада видеть, что вы живы, Рейвен, — сказала я, проходя к своему месту. — Я уж понадеялась.

— Не дождёшься, Вальморен, — отозвался он лениво. — Кто тогда будет разнообразить мне утро?

Я села, чтобы не показать, как у меня дрогнули колени. Это от ярости. Конечно, от ярости.

— Практический экзамен, — объявил Грюнвальд, — зелье Ясного Разума. Работаем индивидуально, на столах всё необходимое. Время — один час. Кто взорвёт котёл, получает ноль и счёт за ремонт. Особенно это относится к вам, мисс Вальморен.

— Почему «особенно»?

— Потому что в прошлом семестре вы отдали за ремонт больше, чем стоит моя годовая зарплата.

— Это был эксперимент.

— Это был пожар.

— Научные пожары тоже существуют, — сказала я с достоинством и взялась за пестик.

Честно говоря, в тот день я собиралась кое-что устроить. Ничего страшного. Просто подменить Лиаре сушёный лунный корень на обычный сахарный: зелье получилось бы невинно-розовым и ужасно липким. Никто бы не пострадал, кроме самолюбия. Я даже придумала себе оправдание: «Она слишком хорошо учится, это несправедливо».

Но у входа я задержалась, потому что мне навстречу попался Кайен, и он сказал: «Опять с утра злая? Тебе идёт». Я потеряла нить мысли, забыла про сахар и вошла в аудиторию с пустыми руками. Позор.

Итак, я варила зелье честно. Это важно запомнить, потому что дальше мне никто не поверил.

Первой взорвалась Лиара.

Котёл не просто бахнул, он издал звук, с которым обычно лопаются воздушные шары на детских праздниках, и выплюнул столб липкой розовой пены. Пена накрыла стол, Лиару, Грюнвальда, который по неудачному совпадению проходил мимо, и, конечно, Кайена. Тот сидел с выражением человека, которого только что окрестили в клубничном сиропе.

Наступила тишина. Из тех, что бывают после падения люстры.

— Лунный корень, — сказал Грюнвальд, медленно снимая с очков розовую каплю. — Кто-то подменил лунный корень сахаром.

Тридцать голов повернулись ко мне.

— Я этого не делала! — выпалила я.

— Конечно, нет, — подхватил кто-то сзади. — Просто стояла рядом и благоухала невинностью.

— Я сказала, что не делала!

— А хотела? — спросил Кайен.

Он стоял, весь в розовой пене, и смотрел на меня так внимательно, что мне стало жарко. Я открыла рот и закрыла его. Лгать было бессмысленно: он видел меня насквозь с первого дня, и это бесило больше всего остального.

— Хотела, — призналась я. — Но не успела. Это существенное различие!

— Юридически бесполезное, — заметил профессор. — Мисс Вальморен, в кабинет ректора. Немедленно.

Я встала и, проходя мимо второго стола, услышала тихий голос Лиары:

— Аделина, я знаю, что это не ты.

Я чуть не споткнулась. Вот это и есть самое страшное: она действительно так думает. Искренне. Без всякой задней мысли. Как можно ненавидеть человека, который верит тебе больше, чем ты сама?

Но я справилась, у меня большой опыт.

— Не смей меня жалеть, — прошипела я. — Это невыносимо.

Уходя, я заметила, как Кайен проводит ладонью по розовой пене на рукаве и хмурится. Не так, как хмурятся из-за испорченной одежды. Скорее как человек, который что-то заметил.

Ректор Вайнхольд принял меня стоя, что дурной знак.

— Мисс Вальморен, — начал он, — я знал вашу матушку.

Я закатила глаза так сильно, что чуть не увидела собственный затылок.

— Весь город знал мою матушку. Её имя до сих пор используют, чтобы пугать детей. «Не будешь есть кашу, придёт Изольда».

— Я хотел сказать, — продолжил ректор, не улыбнувшись, — что тогда, двадцать лет назад, на Сером балу кто-то так же аккуратно подставил её. И ей не поверили. Хотя на этот раз она была ни в чём не виновата.

Я замерла.

— Что?

— Забудьте. Старик заговорился. — Он потёр переносицу. — Вам назначается отработка. Три недели, в паре с тем, кого назначит комиссия. И, мисс Вальморен… Берегите спину. Те, кто умеет устраивать подобные «розовые сюрпризы», обычно знают, кому их адресовать.

Я вышла из кабинета с ощущением, что меня только что обокрали, но я пока не поняла, что именно.

В общежитии на моей подушке сидела бумажная птичка. Я узнала почерк на крыльях ещё с порога и застонала. Развернула письмо.

«Дорогая Аделина! Мы с папой получили уведомление из Академии. Не волнуйся, я всё понимаю. В молодости я тоже была несдержанна. Помни: добрая улыбка закрывает больше дверей, чем кулак. Целую, твоя мама.

P.S. Папа просит ничего не поджигать.

P.P.S. Если вдруг тебе принесут записку без подписи, сожги её и ни с кем не обсуждай. Я потом объясню».

Я перечитала последнюю строчку трижды. Потом посмотрела на свой стол.

На нём лежала записка без подписи.

Она была сложена вчетверо, из дорогой серой бумаги, и пахла жасмином. Я развернула её дрожащими пальцами. Всего две строчки, выведенные аккуратным почерком:

«Ты не первая Вальморен, которую подставляют. Спроси маму про Серый бал».

Я медленно села на кровать. Сжечь её? Ни за что. Я никогда не слушаюсь с первого раза, наследственность.

В дверь постучали. Я быстро сунула записку под подушку и рявкнула:

— Занято!

— Это я, — сказал Кайен.

Мне нужно было сказать что-нибудь колкое, но слова разбежались. Я открыла дверь. Он стоял в коридоре, уже без розовой пены, в чистой рубашке, и держал в руках что-то маленькое.

— Пришёл насмехаться? — спросила я. — Поздравить с отработкой?

— Пришёл вернуть. — Он протянул мне пустой пузырёк из тёмного стекла. — Нашёл под столом Лиары. На нём остался запах жасмина. И твой пропуск в аудиторию, на котором, между прочим, выжжен вензель Вальморенов.

Я уставилась на пузырёк. Жасмин. Тот самый запах, от которого у меня по спине пробежал холодок.

— Откуда у тебя мой пропуск? Я его не теряла.

— Вот именно, — сказал Кайен. — Его подбросили. Кто-то очень старался, чтобы подозревали тебя.

— Ты мне веришь? — вырвалось у меня раньше, чем я успела придержать язык.

Он склонил голову набок и посмотрел на меня долго, слишком долго для человека, который встречается с другой.

— Это сделала не ты, — сказал он.

— Откуда такая уверенность?

— Ты бы сделала красивее.

Я готова была его ударить. Или поцеловать. К счастью, вовремя вспомнила, что у него есть Лиара, а у меня есть гордость, и обе они стояли между нами, как два стражника.

— Уходи, — сказала я.

— Уйду, — кивнул он. — Но, Вальморен… Если ты решишь выяснить, кто это сделал, не ходи одна.

— С чего бы мне слушаться тебя?

— Ни с чего. — Он уже шёл по коридору, не оборачиваясь. — Просто в этом деле я тебе, кажется, нужнее, чем ты хочешь признавать.

Я захлопнула дверь, прислонилась к ней спиной и сползла на пол. Сердце колотилось, как у перепуганной птицы.

Так. Спокойно. У меня есть: подставленная репутация, мёртвый пузырёк с запахом жасмина, загадочная записка, материнская тайна двадцатилетней давности и три недели отработки с неизвестным напарником.

И ненависть. Огромная, горячая, любимая ненависть к человеку, который только что назвал меня способной на красивое злодейство и ушёл, оставив после себя запах мяты и неприятное ощущение, что я всё ещё жду продолжения.

Я достала из-под подушки записку, разгладила её на колене и тихо сказала в пустоту:

— Ладно, мама. Рассказывай про свой Серый бал.

А потом, подумав, добавила:

— И, Кайен Рейвен, если ты думаешь, что я позволю тебе помогать, ты плохо меня знаешь.

Это была ложь. Но я решила, что пусть пока будет ложь. У всех Вальморенов она получается лучше правды.

Конец первой главы

Глава 2. Ставки на виновную

К утру обо мне знала даже кухонная кошка.

— Три к одному, что это ты, — сообщила моя соседка Мира Тосс, не отрываясь от печенья. — Пять к одному, что тебя подставили. Двадцать к одному, что это любовный заговор. Лично я поставила на заговор, потому что у меня тяга к романтике и дурной вкус.

— Мира, ты принимаешь ставки на мою жизнь?

— Только на репутацию. Жизнь пока не берём, нет спроса.

Я натянула форму и посмотрела в зеркало. Из зеркала на меня смотрела девушка с красными глазами и самой гордой осанкой на свете. Бессонная ночь ей совершенно не шла, но признаться в этом было бы ниже её достоинства.

На письменном столе уже лежал ответ от мамы. Бумажная птичка выглядела бодрой, чем сразу вызвала у меня подозрения.

«Дорогая! Серый бал — долгая история, и в письмах я её рассказывать не стану, письма читают. Приезжай на каникулы, я испеку пирог. И не ссорься с этим мальчиком, о котором ты упоминаешь через слово. Целую. P.S. Я не упоминала, что он мальчик, это ты сама».

Я не писала про Кайена ни слова. Я писала про зелье, про отработку и про загадочную записку. Мама прочитала между строк то, что я сама не решилась туда вписать.

— Страшная женщина, — пробормотала я.

— Это ты про маму? — оживилась Мира. — Ставлю пять на то, что ты в неё пошла.

— Ты ничего не понимаешь.

— Я понимаю всё, — ответила Мира с набитым ртом. — Просто молчу из жалости.

Список отработок висел на доске у главной лестницы. Вокруг него, как вокруг свежего трупа, толпились студенты.

При моём появлении толпа расступилась с почтением, которое обычно оказывают либо королям, либо чуме. Я прошла к доске, нашла своё имя и прочитала напарника.

«Вальморен А. — Рейвен К. Архив конфискованных артефактов, подвал, ежедневно с пяти до восьми».

У меня задёргался глаз.

— Это подстроено, — сказала я вслух.

— Конечно, подстроено, — раздалось за спиной. — Я два часа простоял у комиссии на коленях, умоляя назначить мне именно вас.

Кайен возник рядом с чашкой кофе и выражением лица человека, которому безумно скучно жить. Он смотрел не на меня, а в список.

— Если ты настолько хотел со мной работать, мог просто попросить, — процедила я.

— Я не хотел, — сказал он спокойно. — Но пары собирает комиссия, а комиссия знает, что я единственный, кого ты пока не успела отравить.

— Пока.

— Вот видишь. Мы друг друга понимаем.

Я хотела ответить что-нибудь убийственное, но мимо прошла Лиара, помахала нам рукой и улыбнулась так, будто мы собирались идти вместе на пикник. Кайен улыбнулся ей в ответ. Эта улыбка стоила мне три года жизни.

— Я не против, — тихо сказала Лиара, останавливаясь. — Честное слово. Тебе бы просто хорошо там с ним поработать, Аделина. Он любит порядок. Тебе не повредит.

Я уставилась на неё с ужасом. Либо она святая, либо лучшая актриса королевства, и не знаю, что из этого хуже.

— Я запомню твои слова, — сказала я и ушла, потому что иначе пришлось бы её обнять.

Архив конфискованных артефактов располагался под северной башней, и пахло там так, будто в нём сто лет хоронили носки.

Хранитель, согбенный мистер Тобиас Брумм, встретил нас с лампой в одной руке и слуховой трубкой в другой.

— Вальморен? — переспросил он громко. — Это вы тот самый взрыв?

— Я не взрывала! — ответила я ещё громче.

— Что? Закопать?

— Не закопать! Взрыв!

— Ах, взрыв, — кивнул мистер Брумм. — Тогда вам к ящикам. Вот список, вот перчатки, вот тряпка. Ящики с левой стороны проклятые, справа — просто сломанные. Не перепутайте. Один раз перепутали, и мы три месяца искали профессора Эйлиса. Нашли в чайнике.

Он ушёл, оставив нас среди стеллажей, зеркал, кукол и предметов, о назначении которых лучше не думать.

Кайен молча взял перчатки и принялся за правую сторону. Я взяла вторую пару и пошла налево, потому что мне было всё равно, где умирать.

Первый час мы почти не разговаривали. Я перебирала проклятые ящики, а он сортировал сломанные. Время от времени я ловила на себе его взгляд и тут же отворачивалась с самым оскорблённым видом. Он делал вид, что не смотрит.

— Ты за мной следишь, — сказала я наконец.

— Я слежу, чтобы ты не сунула руку в шкатулку с заклятием вечной икоты, — отозвался Кайен. — Она у тебя в метре.

Я отдёрнула руку.

— Почему ты мне веришь? — спросила я резко. — Серьёзно. Все остальные думают, что это я. А ты вчера сказал, что я сделала бы красивее. Откуда у тебя такая уверенность?

Он поставил на полку сломанный будильник и повернулся ко мне.

— У тебя почерк, Вальморен. Ты не умеешь ничего делать вполсилы. Если бы ты хотела взорвать зелье Лиары, оно взорвалось бы так, что мы переехали бы в другое здание. А вчерашнее было… аккуратным. Мелким. Расчётливым.

— Это что, комплимент?

— Это наблюдение.

— Звучит как комплимент.

— Не бери в голову.

Я отвернулась, чтобы скрыть некстати проступивший румянец, и спряталась за стеллажом. Там, кстати, обнаружился мой настоящий интерес: узкая секция, подписанная «Журналы изъятий. Архивные годы».

Я быстро нашла нужный. Двадцать лет назад. Бал, Серый бал.

Мои пальцы нашли пустоту.

На полке стояли корешки за все годы подряд. Не хватало ровно одного: того, что относился к дню, когда пострадала моя мать. От него остался чистый квадрат пыли и слабый запах жасмина.

— Кайен, — позвала я шёпотом.

Он возник рядом, не издав ни звука. Я мельком подумала, что настолько тихо ходят либо убийцы, либо те, кому нечего скрывать, и пока не поняла, к какой категории он относится.

— Здесь что-то было, — показала я. — Журнал за год Серого бала. Его забрали.

— Давно?

Мы одновременно посмотрели на карточку учёта, прикреплённую к полке. Строчки в ней были заполнены аккуратным, знакомым почерком.

Кайен прочитал вслух:

— «Изъят три дня назад. Подпись: А. Вальморен».

У меня остановилось сердце. Потом пошло дальше, но уже обиженное.

— Я не брала его.

— Я знаю.

— Это не моя подпись. То есть, моя. Но не я…

— Вальморен.

— Что?

— Дыши.

Я вдохнула. Кайен держал карточку так, чтобы свет лампы падал на неё под углом. Подпись действительно выглядела как моя: тот же наклон, те же размашистые хвосты у «А» и «В». Единственное отличие заметила я одна: я никогда в жизни не ставлю точку после инициала. А тут она стояла, жирная и наглая.

— Подделка, — прошептала я. — Очень хорошая. Но подделка.

— Значит, у нас есть улика против тебя, — подвёл итог Кайен. — И улика, что кто-то очень внимательно изучал твой почерк. Как минимум полгода.

— Спасибо, ты меня успокоил.

— Я не успокаиваю. Я излагаю.

По лестнице наверху что-то скрипнуло.

Мы замерли. Мистер Брумм давно ушёл в свою каморку, я слышала, как он храпит через две двери. Это скрипели не его шаги: лёгкие, осторожные, явно старающиеся не шуметь.

Кайен выключил лампу.

Тьма упала разом, плотная, душная и очень тесная. Он схватил меня за запястье, и я не успела возмутиться: он уже тянул меня вбок, в узкую нишу между стеллажами, где стоял старый платяной шкаф без дверцы. Нас прижало друг к другу, так что я ощутила его дыхание над самым виском.

— Отпусти, — прошипела я.

— Тише.

— Ты на моей ноге.

— Это моя нога.

— Тогда она слишком близко к моей.

— Вальморен, замолчи, пожалуйста, — выдохнул он мне почти в ухо, и от этого шёпота у меня по шее побежали мурашки, которых я не заказывала.

Я закрыла рот. Не из послушания, а потому что в таких обстоятельствах он оказался единственным разумным решением.

Шаги спустились в подвал. Остановились. Я слышала, как бьётся его сердце: быстро и совершенно не спокойно, что бы он ни показывал на лице. Это внезапно оказалось самым интересным открытием за весь день, и я принялась его обдумывать, вместо того чтобы бояться.

В воздухе поплыл запах жасмина.

Я вцепилась в его рубашку. Он накрыл мою руку своей, не отстраняя, а удерживая.

Зашелестела бумага: кто-то перебирал карточки. Потом что-то тихо щёлкнуло. Потом ещё. А потом незваный гость, видимо, нашёл то, что искал, потому что шаги стали удаляться в сторону лестницы.

Мы выдохнули почти одновременно.

И тут сверху, совсем близко, раздался голос. Тёплый, светлый, знакомый до боли:

— Кайен? Ты здесь? Я принесла тебе ужин!

Лиара.

Мы с Кайеном застыли в шкафу без дверцы, в обнимку, в темноте, на двух сантиметрах расстояния, с моей рукой в его руке и его сердцем под моей ладонью.

Я медленно подняла глаза. В темноте я видела только блеск его взгляда.

— Это не то, что ты подумал, — одними губами произнесла я.

— Это ровно то, что я подумал, — ответил он тоже беззвучно. — Просто я об этом не мечтал.

И только тогда я поняла, что мы оба так и не отпустили друг друга.

Конец второй главы

Глава 3. Дурной поступок с хорошим освещением

Я хочу, чтобы вы понимали одну вещь: я никогда не притворялась хорошим человеком.

Около двенадцати лет я решила, что быть злодейкой честнее. Злодейка хотя бы предупреждает о своих намерениях заранее, а добрые люди улыбаются и бьют в спину. Мама в молодости, говорят, придерживалась тех же взглядов. Правда, она потом передумала. А я нет.

Поэтому, когда в двух шагах от нас прозвучал голос Лиары, а Кайен в моих руках внезапно перестал дышать, в моей голове созрел план. Блестящий, подлый, безупречно выполненный.

Я его поцелую.

Не потому что хочу. Конечно, не потому что хочу. А потому что Лиара вот-вот спустится по лестнице с ужином и фонарём и увидит нас в шкафу. Если она увидит, как мы стоим там, прижатые друг к другу, то подумает самое очевидное и, возможно, расплачется. А если увидит, как Кайен целуется с девушкой, с которой его заперли на отработку, то поверит в неверность и, возможно, бросит его.

Я, разумеется, ничего подобного не хотела. Я просто восстанавливала справедливость.

— Кайен, — шепнула я.

— М?

— Прости.

— За что?

Я ухватила его за воротник, потянула вниз и поцеловала.

Это должно было получиться быстро, расчётливо и бесстрастно. Я собиралась продержаться три секунды, изобразить страсть, а потом толкнуть что-нибудь тяжёлое, чтобы поднялся шум. План был отточенный, как нож.

Но Кайен не оттолкнул меня.

Он замер на одну секунду. А потом его рука легла мне на затылок, пальцы запутались в волосах, и он ответил. Не нежно и не вежливо, а так, словно ждал этого всю жизнь и злился, что не сказали заранее.

У меня в голове всё сразу стало белым. Я вдруг забыла, как меня зовут, где мы находимся и что собиралась делать на четвёртой секунде. Остались только его губы, его пальцы и дикое, унизительное понимание: сопротивляться бесполезно.

Я ударила локтем по полке позади нас.

Вернее, собиралась. Но промахнулась и сбила ногой ту самую шкатулку с заклятием вечной икоты.

Шкатулка откатилась на середину прохода и громко, торжественно икнула. А следом вспыхнула лампа, которую кто-то наверху услужливо зажёг заклинанием.

Я отпрянула. Кайен тоже.

Мы стояли друг напротив друга, растрёпанные, раскрасневшиеся и очень виноватые на вид. У него был расстёгнут воротник. У меня сбилась причёска. На губах у обоих горело одно и то же, и мы оба прекрасно это знали.

И тут по ступеням сошла Лиара.

Она держала поднос с горячим супом, двумя кусками хлеба и кружкой чая. Остановилась в шаге от нас и посмотрела на Кайена, потом на меня, потом снова на Кайена.

На лестнице что-то негромко икнуло.

— О, — сказала Лиара.

И это было так тихо и так просто, что мне стало нехорошо.

Я ожидала слёз. Я ожидала крика, пощёчины, сцены на весь коридор. Я заготовила на такой случай три колкие фразы. Но Лиара просто аккуратно поставила поднос на крышку ближайшего ящика и сложила руки перед собой.

— Я, наверное, не вовремя, — сказала она.

— Лиара, — начал Кайен.

— Нет-нет, всё в порядке. — Она улыбнулась. Улыбка вышла ровной, как нарисованной. — Я просто принесла ужин. Суп с грибами, он любит с грибами. Приятного аппетита.

Она повернулась и пошла наверх. На третьей ступеньке остановилась и, не оглядываясь, добавила:

— Аделина.

— Да? — выдавила я.

— Если хотела, чтобы я увидела, надо было сначала проверить, чьи шаги были на лестнице до меня.

И ушла.

На секунду я почувствовала триумф. Огромный, сладкий, злодейский. Я победила! Я выполнила план!

Потом триумф испарился, и на его месте осталась только очень тяжёлая пустота, которой я не заказывала.

— Довольна? — спросил Кайен.

Он говорил тихо. Это было хуже крика.

— Да, — сказала я. Голос подвёл меня: вышло слишком хрипло. — Вполне.

— Ты сделала это нарочно.

— Нарочно.

— Чтобы она увидела.

— Чтобы она увидела.

Он смотрел на меня долго. Потом сказал медленно, как диагноз:

— Поцелуй был плохой.

— Что?!

— Технически, — сказал Кайен, поправляя воротник. — Слишком много расчёта. Я бы поставил четыре из десяти. Хотя последние две секунды… — Он замолчал. — Нет. Не важно.

Он взял с ящика поднос, посмотрел на суп, вздохнул и пошёл к выходу.

— Куда ты? — спросила я.

— К невесте. Ей, видимо, надо объяснить, что у меня в шкафу делала злодейка.

— Ты не обязан ей объяснять!

— Обязан. Вот в чём разница между нами, Вальморен. Я отвечаю за свои поступки. А ты — только за их красоту.

Он ушёл, и подвал вдруг стал очень большим и очень тихим.

Я села на пол между шкафом и икающей шкатулкой и просидела так минут пять. Шкатулка икала через равные промежутки. Я смотрела на неё и думала: ну и что? Ну и пусть. Я сделала то, что должна была. Лиара ушла. Кайен рассержен. Всё идёт как нужно.

Почему же тогда у меня так дрожат руки?

Я поднялась, отряхнула юбку и вспомнила последнее, что сказала Лиара. «Проверить, чьи шаги были на лестнице до меня».

Она знала, что до неё кто-то был.

Я встала как вкопанная.

Откуда она знала? Мы с Кайеном ничего не говорили. Лампу зажигали уже после того, как кто-то из нас сбил шкатулку. Если Лиара спускалась по лестнице и увидела на ней чужие следы или услышала чужие шаги, то да, она могла догадаться. А если нет…

Моя злодейская натура зашевелилась, как кошка на солнце.

Если Лиара виновна в чём-то из этого, думала я, то я вовсе не злодейка, а восстановитель справедливости. Это совсем другая профессия. Её уважают.

Я подобрала с пола то, что заметила только сейчас, когда глаза привыкли к свету: маленькая серебряная заколка в форме веточки жасмина. Она лежала у подножия шкафа, там, где недавно стояли чужие ноги.

Заколка была очень красивая. Очень женская. И чем-то знакомая.

Я сунула её в карман формы и пошла наверх. Вспоминать, где её видела.

К утру весь Арканум знал, что Аделина Вальморен целовалась в архиве с Кайеном Рейвеном.

Лучше бы я знала, как они это выяснили.

— Ставки обновились, — сообщила Мира, едва я проснулась. Она сидела на моей кровати, словно судья на казни. — Теперь так. Десять к одному, что ты чудовище. Два к одному, что ты чудовище, влюблённое в Рейвена. И один к четырём, что Лиара тебя прибьёт до конца недели. Лично я рассчитываю на последнее, у меня там самые большие деньги.

— Мира, ты на моей стороне или нет?

— Я на стороне прибыли, — честно ответила она. — Но если ты правда его поцеловала, я хочу подробностей.

— Ничего не было.

— Весь второй курс видел, как Лиара шла по коридору с каменным лицом и ела суп. Сама. Из его кружки.

Я закрыла лицо руками. Вот она, злодейская победа. Она всегда выглядит одинаково: хорошо в мыслях, ужасно в жизни.

— Кстати, — сказала Мира, меняя тон, — тебе принесли записку. Под дверь просунули.

Она протянула мне сложенный листок. Серая дорогая бумага. Запах жасмина.

Я развернула его пальцами, которые вдруг перестали слушаться.

«Ты хорошо играешь, Вальморен. Но зрителей выбрала неудачных. Мама тоже когда-то целовала не того. Спроси, чем это кончилось».

Я перечитала записку трижды.

Потом достала из кармана форму заколку и положила рядом с листком, и они вместе выглядели так, словно им давно пора было познакомиться.

— Мира, — сказала я медленно.

— М?

— Забудь про ставки. У меня появилась новая цель.

— Ты собираешься всех убить?

— Хуже, — сказала я. — Я собираюсь докопаться до правды.

— О нет, — прошептала Мира. — Только не это. С правдой потом не развяжешься.

Она была абсолютно права. Но тогда я этого ещё не знала.

Конец третьей главы

Глава 4. Совесть в отпуске

Совесть у меня есть. Просто она давно ушла в отпуск и забыла оставить адрес.

Поэтому утром я не мучилась, не рыдала в подушку и не писала Лиаре покаянных писем. Я позавтракала двумя булочками, выпила чай с лимоном и со вкусом обдумала события вчерашнего вечера. Поцелуй? Это был ход. Хороший ход, пусть и с побочным эффектом в виде четырёх из десяти и двух слишком долгих секунд. Лиара увидела, Лиара ушла. Если бы такую партию разыграл мужчина, его назвали бы стратегом.

— Ты улыбаешься, — заметила Мира, подозрительно щурясь. — Ты никогда не улыбаешься с утра. Только когда замышляешь убийство.

— Я просто в хорошем настроении.

— Это то же самое.

Она была недалека от истины. Заколка с жасмином лежала у меня в кармане, и я решила, что сегодня выясню, кому она принадлежит. Память у меня отличная: я видела такую раньше, и не один раз. Оставалось вспомнить, где.

Вспомнила я на лекции по магической этике, на самом занудном предмете всего курса, потому что профессор Грюнвальд бубнил про моральные принципы, а я смотрела в окно. Во дворе натягивали цветные ленты. Через три дня Арканум отмечал День основателей, и ждали гостей: попечителей, меценатов, вельможных дам и прочих людей, которые любят ходить по коридорам и вздыхать, какой раньше была молодёжь.

И тут я увидела, как у ворот остановилась карета. Из неё вышла высокая седая женщина в тёмно-сером платье. На воротнике у неё блестела серебряная веточка жасмина.

Я вскочила так резко, что опрокинула чернильницу на конспект соседа.

— Вальморен! — возмутился Грюнвальд.

— Простите, профессор, — сказала я, не отрывая взгляда от окна. — Дурнота. Женская, неизлечимая. Я пойду.

Я вышла из аудитории, не дожидаясь разрешения. Лишь потом задумалась, что надо было сказать про мигрень: она хотя бы звучит благороднее.

Вечером нас с Кайеном снова заперли в архив.

Мистер Брумм проводил нас взглядом, напоминающим прощание с призраками, и сообщил, что сегодня надо перебирать «зеркала с характером». Я попросила пояснить. Он ответил, что их нельзя хвалить и нельзя критиковать, а лучше вообще не смотреть. На этом инструктаж закончился.

Кайен встретил меня у входа. Он был собран, свеж и вежлив до ледяной корки, и я сразу поняла, что нас ждёт разговор.

— У меня условие, — сказал он, не здороваясь.

— Какая прелесть. У меня тоже, но мне интересно, что придумал ты.

— Вчерашнее больше не повторяется. Ты не трогаешь Лиару, не провоцируешь её и не устраиваешь театр. Взамен я не мешаю твоему расследованию.

— Ты не мешал бы и без условий, — заметила я. — Тебе это нужно не меньше меня.

— Верно, — согласился он. — Но условие будет записано словами.

Я подумала, что на самом деле он ждёт, чтобы я согласилась. Бедняга. Он так хотел, чтобы я оказалась лучше, чем есть.

— Согласна, — сказала я с самым честным лицом, которое умею делать. Оно у меня получается в два раза убедительнее, чем настоящее.

Кайен прищурился.

— Ты солгала.

— Откуда такие выводы?

— Ты улыбнулась уголком рта. Всегда, когда лжёшь. — Он взял зеркало с полки и принялся протирать его рукавом. — Но спорить не буду. Я всё равно прослежу.

— Я польщена вниманием.

— Лиара сказала мне кое-что, — вдруг произнёс Кайен, и в его голосе я уловила то, чего не ждала: сомнение. — После того, как ты… вчера.

— О, — оживилась я. — Она тебя бросила?

— Нет.

Я почувствовала, как моё хорошее настроение дало заметную трещину.

— Она сказала, что когда спускалась по лестнице, видела женщину, выходящую через боковую дверь. В тёмном плаще. С лицом закрытым капюшоном. Женщина прошла мимо неё, едва не задев плечом, и Лиара решила, что это одна из хранительниц. Только хранительниц в Арканум нет.

Я медленно поставила на стол зеркало, которое до этого собиралась разглядывать. Зеркало немедленно произнесло: «Ты неважно выглядишь», и я с чувством накрыла его тряпкой.

— Лиара сказала это тебе. Не мне.

— Она сказала, что ты не станешь слушать.

— Совершенно верно.

— И ещё, — Кайен помедлил, — она сказала, что ты не злая. Что тебе больно, поэтому ты так делаешь.

Вот этого я простить уже не могла.

— Как мило, — ответила я очень холодным голосом. — Я только что решила, что ненавижу её ещё сильнее. Она жалеет меня. Меня! Ты понимаешь, что это самое отвратительное, что можно сделать с человеком?

— А тебе не кажется, что она, возможно, права?

— Нет.

— Ты дрожала, — сказал он вдруг.

— Что?

— Вчера, в шкафу. Когда целовала меня. Ты дрожала.

Я расхохоталась. Громко, звонко, красиво, как смеются обречённые злодейки перед финалом.

— От отвращения, Рейвен. Это было очень сильное отвращение. Мне пришлось взять себя в руки, чтобы довести дело до конца.

Он смотрел на меня абсолютно серьёзно, и это раздражало до зубовного скрежета.

— Хорошо, — сказал он. — Допустим.

— Допустим?

— Допустим, что от отвращения.

Я отвернулась и принялась с остервенением вытирать зеркало, которое немедленно сообщило мне, что у меня руки трясутся. Я приказала ему заткнуться.

— Её зовут леди Корделия Ауренг, — сообщила я, когда страсти улеглись и мы оба уселись на пол между ящиками. — Заколка её. Я видела такую на воротнике, когда она приезжала к нам домой лет десять назад. Они с мамой тогда поцеловались в щёчки, как две змеи, которые делают вид, что давно простили друг друга.

— Лучшая подруга твоей матери?

— Бывшая. До Серого бала. Потом у них как-то не заладилось. — Я пожала плечами. — Мама никогда не рассказывала.

— А эта леди приезжает на День основателей.

— Через три дня.

— Значит, у нас есть три дня, чтобы выяснить, что она делала в архиве и зачем ей нужен журнал изъятий.

Я посмотрела на него с уважением. Редкий случай, когда его рассуждения совпали с моими.

— Есть идея, — сказала я.

— Звучит тревожно.

— Я умею подделывать почерки.

— Я знаю, — произнёс Кайен. — Ты подделывала мой на экзамене по травам.

— Один раз!

— Три.

— Не будем считать. Мы напишем записку. От имени человека, которому она доверяет. Что-нибудь вроде: «Я знаю, что в журнале, встретимся в оранжерее в полночь». Если Корделия клюнет, значит, она сама никого не нанимала, а действует лично. Если не клюнет, значит, кто-то другой водит её за нос.

— А если клюнет кто-то третий?

Я задумалась.

— Тогда и узнаем, кто третий.

Кайен смотрел на меня долго. В этом взгляде было всё: недоверие, усталость, раздражение и вещь, которой я не сумела подобрать название. Потом он вздохнул.

— Пиши. Но я иду с тобой.

— Конечно. Мне нужна страховка.

— Я не страховка, Вальморен.

— Тогда ты свидетель. Это дороже.

Я написала записку за три минуты. Почерк подобрала по образцу из старых писем: у мистера Брумма они валялись в каждой щели. Получилось идеально. Я перечитала и осталась довольна.

«Знаю, кто вынес журнал. Давайте поговорим. Оранжерея, полночь. Приходите одна».

Подписи не стала ставить. Чем меньше информации, тем больше страха.

В оранжерее пахло землёй, мокрыми листьями и ночными цветами. Мы с Кайеном затаились за огромным кадочным апельсином, который, судя по виду, старше самого Арканума.

Полночь пробили часы на башне. Я считала удары, затаив дыхание.

На последнем ударе скрипнула дверь.

Кто-то вошёл. Медленно, осторожно, шурша плащом по плитке. Силуэт в тёмном, лицо закрыто капюшоном. Он остановился в центре оранжереи, огляделся и сделал шаг к фонтану.

— Сейчас, — прошептала я и вышла из-за дерева.

Кайен ухватил меня за руку, но было поздно: я уже стояла на дорожке в полной своей красе и произнесла самым победным голосом:

— Попалась!

Фигура замерла. Потом откинула капюшон.

В лунном свете, прямо передо мной, стояла Лиара.

Она держала в руках мою записку. Ту самую. Мою ложную, подделанную, идеальную записку, которую я оставила на подоконнике у леди Корделии всего три часа назад.

— Аделина, — произнесла Лиара очень тихо. — Я пришла, потому что ты просила. Но я не писала ни одной записки. Кто писал её на самом деле?

Я открыла рот.

И впервые за долгое время поняла, что понятия не имею, что ответить.

Конец четвёртой главы

Глава 5. Вежливая война

Самое неприятное в Лиаре Эстель то, что с ней невозможно поругаться как следует.

Я пробовала. Три года подряд. Я роняла на неё чернила, подкладывала в сумку дохлых мотыльков, пускала слухи, что она подкупает преподавателей . Лиара реагировала одинаково: улыбалась, благодарила за внимание и просила передать привет моей маме.

Это было невыносимо. Это было хуже любого скандала. Это был самый изощрённый вид войны, который я встречала, и вёл его человек, которого я считала ромашкой.

Теперь ромашка стояла передо мной в лунном свете, держала мою (но не мою) записку и смотрела на меня совершенно не ромашковым взглядом.

— Ты думаешь, что это я написала? — спросила я, когда ко мне вернулся дар речи.

— Я думаю, что это твой почерк, — ответила Лиара. — Это не одно и то же.

Она шагнула ближе и протянула листок. Кайен, вышедший из-за апельсина, молча встал сбоку, как свидетель, которому не дали слова.

Я взяла записку и вгляделась. «Лиара, мне нужно поговорить. Оранжерея, полночь. Это касается Кайена. Приходи одна. А. Вальморен.»

После «А» стояла точка. Жирная, наглая, безупречно знакомая.

У меня по спине прошёл холодок. Меня подделывали очень хорошо. Лучше, чем это делала я сама.

— Я не писала, — сказала я. — И нет, не надо смотреть на меня таким взглядом.

— Каким?

— Сочувствующим.

— Я не сочувствую, — удивилась Лиара. — Я думаю.

— Не надо.

— Почему?

— Потому что когда ты думаешь, ты становишься опасной.

Кайен издал странный звук, подозрительно похожий на сдавленный смех. Мы обе повернулись к нему. Он сделал вид, что кашляет.

— Кайен, — ласково сказала Лиара, не сводя с меня глаз. — Не мог бы ты подождать у двери?

— Лиара…

— Пожалуйста.

— Я…

— Это не просьба, милый.

Кайен посмотрел на меня, на неё, на меня снова, развернулся и пошёл к выходу с видом человека, который только что понял, что в этой оранжерее самый опасный хищник не тот, на кого он ставил.

Мы остались вдвоём.

Лиара подождала, пока за ним закроется дверь. Потом спокойно села на бортик фонтана, расправила плащ и сказала:

— Давай начистоту, Аделина.

— Давай.

— Я тебя не жалею.

— Ты вчера говорила Кайену…

— Я говорила ему то, что ему нужно услышать, чтобы он не сорвался и не наговорил тебе гадостей. Он очень вспыльчивый, хотя прячет. Ты же знаешь.

Я не знала. Я об этом даже не догадывалась. Но признаваться не собиралась.

— На самом деле, — продолжила Лиара, — ты меня бесишь.

Я моргнула.

— Что?

— Бесишь. Три года подряд. Подкладываешь мотыльков, портишь конспекты, пускаешь глупые слухи. Я не святая, Аделина. Я просто слишком хорошо воспитана, чтобы отвечать тем же, пока не прижмёт.

— И сейчас прижало?

— Вчера ты целовала моего жениха.

Я чуть не села на землю от неожиданности. Жениха!

О помолвке никто не знал. Я бы услышала. Я слышу всё. Слухи о помолвках я собираю, как другие собирают марки.

— Вы…

— Помолвлены с прошлой весны, — сказала Лиара. — Тайно. По семейным причинам. Не вини себя, что не знала. Мы очень старались.

Я почувствовала, как у меня пересохло во рту. Не от раскаяния, конечно. А от того, что мой великолепный план, моя блестящая победа, моя идеально сыгранная сцена оказались построены на песке.

— Тем лучше, — сказала я, и голос у меня был почти холодным. — Значит, тебе есть что терять.

— Мне есть что терять, — спокойно согласилась Лиара. — Именно поэтому я скажу тебе один раз. Не троньте его. Ни вчера, ни сегодня, ни завтра. Это не угроза. Это просьба вежливого человека.

— Если это просьба, почему у тебя такой тон?

— Потому что просьбы вежливых людей не всегда звучат вежливо.

Мы смотрели друг на друга. Между нами тихо плескался фонтан, и пахло ночным жасмином. Я вдруг поняла, что мне нравится этот момент. По-настоящему. Лиара наконец сняла маску, и под ней оказался достойный противник. Оказалось, воевать с настоящим врагом куда приятнее, чем с воображаемой святой.

— Значит, объявляем войну, — сказала я.

— Уже объявлена. Три года как, — ответила она. — Просто ты пропустила письмо.

Я рассмеялась. Громко, искренне, от души. Впервые за много лет.

— Я хочу, чтобы ты знала, — добавила я, чуть успокоившись. — Я не буду просить прощения. За шкаф, за поцелуй, за всё остальное.

— Я и не жду.

— И я не отступлю.

— Я тоже, — сказала Лиара.

На секунду мне показалось, что мы почти подружились. Но это быстро прошло.

Кайен ждал за дверью, сидя на ступеньках и демонстративно изучая звёзды. При нашем появлении он вскочил.

— Ну? — спросил он, переводя взгляд с одной на другую. — Вы…

— Мы договорились, — сказала Лиара.

— О чём?

— О том, что ты нам обеим не нужен, пока не разберёмся с запиской.

Кайен открыл рот и закрыл. Мне на секунду стало почти жаль его. Не потому что жалость, конечно. Просто смотреть на человека, которого две женщины одновременно обсуждают как предмет мебели, было невероятно приятно.

— Давайте посмотрим на записку, — предложил он, цепляясь за единственную понятную вещь. — Обе.

Мы разложили листки на ступеньке под фонарём. Бумага была та же серая, дорогая, с лёгким запахом жасмина. Почерк идентичный. Точка после «А» тоже.

Но в нижнем углу записки Лиары нашлось то, чего не было в архивной карточке: еле заметный оттиск печати. Круглой, с тонким узором из переплетённых ветвей.

— Совет попечительниц, — произнёс Кайен.

— Откуда ты знаешь?

— Видел на приглашениях. Ту же печать ставят на письма, которые идут от них.

— Значит, кто-то из совета, — медленно сказала Лиара.

— Корделия Ауренг в совете, — добавила я. — Но это было бы слишком очевидно. Подделать мой почерк умеет только тот, кто хорошо меня знает или давно за мной следит.

— Или тот, кому нужно, чтобы мы подумали на Корделию, — заметил Кайен.

Мы замолчали. Каждая из нас, видимо, думала об одном: кто-то разыгрывает против нас партию, и мы пока даже не видим доски.

— Значит, так, — сказала я. — Завтра День основателей. Корделия приезжает. Я иду к ней сама.

— Одна? — спросил Кайен.

— Нет, — неожиданно ответила Лиара. — Мы пойдём втроём. Вместе. И ты, Аделина, не будешь ничего поджигать.

— Я не…

— Будешь, — сказала Лиара без тени улыбки. — Я тебя знаю.

Кайен смотрел на нас обеих с такой смесью ужаса и восхищения, что я не удержалась и подмигнула ему. Это было ошибкой. Лиара заметила. Её взгляд стал острым, как булавка.

— Тоже условие, — сказала она тихо. — Не флиртуй с ним при мне. Даже в шутку.

— Я не флиртовала.

— Ты подмигнула.

— У меня тик!

— У тебя нет тика.

— Появился. Сегодня. На нервной почве.

Кайен издал ещё один сдавленный звук и ушёл вперёд, видимо, не желая быть свидетелем собственной смерти.

Утром, за завтраком, я обнаружила на тарелке две вещи: подгоревший тост и аккуратный конверт с серой печатью.

Мира, сидевшая напротив, замерла с ложкой на полпути ко рту.

— Только не говори, что это ещё одна записка.

— Не скажу, — сказала я, вскрывая конверт.

Внутри лежала карточка. Не записка, а настоящая, дорогая карточка, выведенная чётким, вежливым почерком.

«Дорогая Аделина! Леди Корделия Ауренг имеет честь пригласить вас сегодня на чай в Малую гостиную. Она будет рада увидеть дочь своей лучшей подруги. Ровно в четыре. Приходите одна».

«Приходите одна».

Я перечитала последние слова. Потом медленно подняла глаза и посмотрела через весь зал на столик у окна.

Там сидела высокая седая женщина в тёмно-сером платье. В воротнике у неё блестела серебряная веточка жасмина. Она смотрела прямо на меня и улыбалась.

Очень приятно и очень, очень внимательно.

Конец пятой главы

Глава 6. Чай с ядом

Я не собиралась идти на чай втроём.

Заявляю это во всеуслышание, чтобы никто не думал, будто в оранжерее со мной случился приступ благородства. Мне просто не понравилось, что Лиара распоряжается мной, как собственной горничной, а Кайен кивает и смотрит в сторону. Эти двое уже решили, что я у них в команде. Пусть привыкают к разочарованиям.

К тому же, если кто-то из них окажется рядом с Корделией Ауренг, весь разговор превратится в допрос с участием святой. А мне нужна была беседа, из которой я вынесу пользу.

Поэтому с утра я занялась делами.

Дело первое: Мира.

— Мне нужно, чтобы ты весь день ходила за Лиарой, — сказала я, выкладывая на её кровать коробку шоколадных трюфелей. — Куда она, с кем, о чём говорит. Вечером расскажешь.

Мира посмотрела на коробку, потом на меня.

— Ты платишь трюфелями за слежку?

— Ты же сама любишь прибыль.

— Люблю. — Она открыла коробку, понюхала и вздохнула. — Но это подло.

— Подло, — согласилась я. — И вкусно.

Мира съела первую конфету, закатила глаза и сдалась.

Дело второе: Кайен.

Я подкупила второкурсника с кухни, мелкого рыжего лопуха, который жаждал стать моим союзником, и велела ему заменить сахар в кофе Рейвена на соль. Не потому что хотела навредить. Просто хотелось, чтобы этот человек, который смотрит на меня как на проблему с интересными изгибами, хоть раз скривился по моей вине.

Дело третье: слухи. Я шепнула Дарене Грош, самой болтливой девице на третьем курсе, что у семьи Эстель большие долги и что помолвка Лиары с Рейвеном нужна, чтобы закрыть их перед банкирами. Это было неправдой. Но любая неправда звучит лучше, если подаётся с сочувствующим лицом.

К полудню слухи дошли до столовой. К часу — до библиотеки. К двум я уже слышала, как первокурсницы обсуждают «бедную Лиару» с горящими глазами.

Я была довольна собой. Вы бы тоже были.

Насолить им не по-детски хотелось давно. Я никогда не надеялась, что Кайен отвернётся от неё и посмотрит на меня. Он слишком упрям, слишком честен, слишком хорошо воспитан для этого, и мы оба давно это знали. Мне оставалось одно: сделать так, чтобы им обоим было неуютно. Чтобы Лиара хоть раз усомнилась. Чтобы Кайен хоть раз подумал: «Может быть, не стоило…»

Это было совсем не любовью. Это было гораздо лучше. Это называлось справедливостью.

Малая гостиная находилась на втором этаже западной башни, и пахло там старыми книгами, воском и чем-то сладковатым, вроде чайных роз.

Леди Корделия сидела в кресле с высокой спинкой и разливала чай так, будто делала это каждый день последние сорок лет. Седые волосы собраны в безупречный узел, серо-стальные глаза, ни одной лишней морщинки. Заколка с жасмином поблёскивала на воротнике.

— Аделина, — произнесла она, не оборачиваясь. — Вылитая Изольда. Садись.

Я села. Не потому что приказали, а потому что хотела разглядеть, куда она клонит.

— Вы пригласили меня, чтобы сказать, что я похожа на маму? — спросила я.

— Я пригласила тебя, чтобы сказать, что кто-то очень старается тебя уничтожить. — Она поставила чашку передо мной. — Пей. Не отравлено. Хотя ты, наверное, проверишь.

Я чуть сдвинула чашку к краю стола и принялась изучать узор на блюдце. Она улыбнулась.

— Умная девочка. Изольда тоже не пила с чужих рук.

— Давайте без воспоминаний. Я хочу знать, зачем вы забрали журнал изъятий.

Корделия замерла. Потом тихо, очень тихо рассмеялась.

— Я не забирала, дорогая. Я хотела его найти. Двадцать лет я хотела его найти. А когда приехала в Арканум, чтобы наконец выяснить, что в нём было, оказалось, что журнал уже украден. — Она развела руками. — Кто-то оказался быстрее.

— Заколка в архиве ваша.

— Заколка мне подброшена. — Лицо её не изменилось, но голос стал острее. — Три дня назад я потеряла её в поезде. Кто-то подобрал и использовал. Тот же человек, который подделывает твой почерк, милая. Тот же, что когда-то подделал почерк твоей матери.

У меня внутри что-то щёлкнуло. Не холод, не страх. Интерес.

— Серый бал, — сказала я.

— Серый бал. — Она налила себе чаю. — Двадцать лет назад твою мать обвинили в краже фамильных драгоценностей леди Мерсер. Подбросили колье ей в сумочку, нашли при всех. Она так и не доказала, что невиновна. Потеряла репутацию, подруг, жениха, всё. Через год встретила твоего отца и начала новую жизнь. Только вот человека, который её подставил, так никогда и не нашли.

— Мама ни слова об этом не говорила.

— Конечно. Ей было стыдно. Она ведь действительно была не святая, Аделина. Репутация у неё была такая, что поверили сразу. Подставить ту, которая и так всем осточертела, проще простого.

Я посмотрела на неё внимательно. Если бы мы играли в карты, я бы сказала, что она держит что-то в рукаве.

— А вы? Что вы делали на Сером балу?

— Я была её подругой. И я, как и все остальные, ей не поверила. — Корделия поставила чашку. — Двадцать лет я с этим живу. Вот почему я здесь. Хочу выяснить, кто это сделал. И хочу, чтобы тебя не постигла та же участь.

— Трогательно, — сказала я сухо. — А что вы хотите взамен?

Она на секунду растерялась. Потом улыбнулась уже совсем иначе.

— Ты настоящая Вальморен.

— Я всегда спрашиваю цену.

— Справедливо. Мне нужна одна вещь. В журнале была страница с именем человека, который подписал разрешение на вынос колье из сейфа. Кто-то вырвал её давно, задолго до кражи журнала. Но копия хранится в архиве совета. Мне туда не пробраться, а тебе, возможно, да. Ты умеешь входить туда, куда не пускают.

Я откинулась в кресле. Она просила меня стать воровкой. В моей жизни ещё не было такого прекрасного предложения.

— Хорошо, — сказала я. — Но у меня тоже условие. Всё, что найду, останется между нами. Никому ни слова. Ни Рейвену, ни Эстель.

— Договорились.

Мы пожали руки. Её ладонь была холодной и сухой, как бумага. И я подумала: она ни разу не соврала. Но и всей правды не сказала. Для хорошей лжи этого достаточно.

К вечеру, возвращаясь в общежитие, я пребывала в самом блестящем настроении. План вырисовывался. Корделия моя, слухи работают, Мира следит, соль в кофе подействовала (о, как я мечтала увидеть лицо Кайена!). Оставалось добыть копию страницы и провернуть всё так, чтобы не пострадать самой.

У двери моей комнаты стояли трое.

Проктор Гальден, сухой и жёлтый, как лимон. Рядом Лиара с бледным лицом. И Кайен. Хмурый, молчаливый, со скрещёнными на груди руками.

— Аделина Вальморен, — произнёс проктор. — Мы получили жалобу. Вы будете присутствовать при обыске.

— Какой ещё обыск? — вскинулась я. — С какой стати?

— Сегодня днём из комнаты мисс Эстель пропало фамильное кольцо. Свидетели утверждают, что видели, как вы выходили оттуда около полудня.

— Я не заходила в её комнату!

— Это мы и проверим.

Я посмотрела на Лиару. Она не отвела взгляд. Она смотрела на меня очень внимательно, и я не могла понять, что в нём: подозрение, боль или что-то третье.

Проктор открыл дверь. Мира сидела на кровати с очень растерянным лицом. Он прошёл к моей подушке, приподнял её и достал оттуда маленькую бархатную коробочку.

В коробочке лежало кольцо. Простое золотое кольцо с крохотным камнем, на ободке которого было выгравировано: «Л. Э. — К. Р.».

Я медленно выпрямилась.

Мелкие пакости — это моя профессия. Я знаю всё о подставах, кражах и оговорах. Я разбираюсь в них лучше любого проктора. И сейчас, глядя на это кольцо, я с ледяной ясностью поняла две вещи.

Первая: я его не брала.

Вторая: кто-то посмел браконьерствовать на моей территории.

Конец шестой главы

Глава 7. Адвокат дьявола

Можете считать меня злодейкой, но я скажу вам одну вещь: когда тебя ловят на месте преступления, которого ты не совершала, это самое обидное чувство на свете.

Когда тебя ловят на преступлениях, которые ты совершала, а за это не наказывают, это тоже обидно. Но по-другому.

— Мисс Вальморен, — сказал проктор Гальден, держа коробочку двумя пальцами, как дохлую мышь. — Вы можете объяснить, как кольцо мисс Эстель оказалось у вас под подушкой?

— Могу, — ответила я. — Кто-то его туда положил.

— Кто?

— Тот, кто хотел, чтобы вы его там нашли.

— Очень удобное объяснение.

— Удобное, потому что правдивое. Я бы придумала лучше.

Проктор поджал губы. Лиара смотрела на меня молча. Мира жалась в углу и делала вид, что её тут нет. Кайен стоял в дверях и пока не произносил ни слова, но по тому, как он смотрел на кольцо, я поняла: он что-то обдумывает.

— Свидетели видели вас выходящей из комнаты мисс Эстель в полдень, — сказал Гальден. — Это показание двух студенток.

— Каких?

— Это не имеет значения.

— Имеет. Если это те две, которых я знаю, то они обе проиграли мне по пирожному в прошлом семестре и с тех пор мечтают о мести.

— Вальморен, — устало произнёс проктор. — Хватит балагана.

— Она не была там в полдень, — сказал Кайен.

Все повернулись к нему. Я в том числе. Это было неожиданностью. Более того: это было крайне подозрительно.

— Рейвен, — нахмурился проктор. — Вы не можете знать.

— Могу. Потому что в полдень я пил кофе. — Он сделал паузу. — Солёный.

В комнате стало тихо.

— Простите?

— Кто-то заменил сахар в моём кофе солью. Ровно в двенадцать часов. — Кайен смотрел прямо на меня, и в его глазах плясали какие-то непонятные огоньки. — Парень, который это сделал, второкурсник Эдгар Пим, подтвердит, что получил поручение лично от Аделины Вальморен. На кухне. В двенадцать пятнадцать. Я его уже допросил.

У меня задёргалось веко.

— Ты… что?

— Он оказался на редкость разговорчивым. Особенно после того, как я пообещал не рассказывать, что он взял у тебя три пирожных за услугу.

Мира тихо всхлипнула в углу, и я подозреваю, что это был смех.

Проктор перевёл взгляд с Кайена на меня и обратно.

— Вы хотите сказать, что мисс Вальморен испортила вам кофе?

— Именно так.

— И вы подтверждаете это под присягой?

— С огромным удовольствием, — сказал Кайен, и я никогда не видела на его лице такого удовлетворённого выражения.

— Рейвен, — процедила я, — ты только что выдал меня.

— Я только что дал тебе алиби. Оно, к сожалению, состоит из твоих же пакостей. Но ты сама учила меня, что ценные вещи надо использовать с умом.

Я открыла рот. Закрыла. Открыла снова.

Честное слово, я хотела его убить. Он стоял там, самодовольный, красивый, спокойный, и в одно мгновение превратил мою мелкую мстительность в стену, за которую меня спрятал. И самое мерзкое, что работало это безупречно.

— Проктор, — продолжал Кайен, — мисс Вальморен в полдень была на кухне с мальчиком Пимом, потом в Малой гостиной с леди Ауренг, где её видели десятки людей. Комнаты Лиары в это время она физически не могла посещать. Если вы хотите выписать ей взыскание за соль в кофе, пожалуйста. Но не за кражу.

Гальден молчал. На его жёлтом лице отразилась борьба между служебным рвением и инстинктом самосохранения. Второй победил.

— Взыскание за порчу чужого имущества будет объявлено завтра, — наконец сказал он. — Мисс Вальморен, вы свободны от подозрений. Пока.

— Приятно слышать, — сухо произнесла я.

Лиара подошла ко мне. Тихая, бледная, с мокрыми ресницами.

— Я не думала, что это ты, — сказала она. — Я просто хотела проверить. Прости.

— Не извиняйся, — ответила я резко. — Ты права: я бы могла.

— Но не стала бы.

— Откуда такая уверенность?

— Ты не крадёшь, — пожала плечами Лиара. — Ты разрушаешь. Это другое.

Я хотела что-нибудь едко ответить, но не нашлось слов. В голове стучало: она права. Чёрт возьми, она права.

Когда комната опустела, остались только мы с Кайеном. Мира сбежала при первой возможности, пробормотав что-то про срочное дело в столовой.

Я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

— Зачем?

— Что — зачем?

— Зачем ты меня защитил? У тебя к этому были тысячи причин не прикасаться: я поцеловала твою невесту… то есть тебя при невесте. Подсыпала тебе соль. Подставила на экзамене.

— Я знаю.

— Тогда почему?

Он молчал. Прошёл по комнате, остановился у окна и долго смотрел на закат. Потом сказал:

— Это не одолжение, Вальморен. Мне нужно, чтобы ты была свободна.

— Для чего?

— Для расследования. Мы не разберёмся без тебя.

— Какая забота о деле.

— Только о деле.

Он говорил ровно. Но я заметила, что он не поворачивается ко мне лицом.

— Если ты рассчитываешь на благодарность, — сказала я медленно, — не дождёшься.

— Я и не рассчитываю.

— Хорошо.

— Хорошо.

Мы замолчали. В комнате стало очень тесно, хотя расстояние между нами было целых три шага. Я рассматривала его спину, линию плеч, тёмные волосы, которые он не успел пригладить после ночи в оранжерее. Мне хотелось ударить его. Или вцепиться в эти плечи. Это раздражало. Всё в нём раздражало.

— Ты смотришь на меня, — сказал он, не оборачиваясь.

— Я смотрю на окно.

— Окно за мной.

— Окно слишком маленькое, вот я и вынуждена видеть тебя.

Он повернулся наконец. На лице не было улыбки. Только очень спокойное внимание, от которого у меня пересохло в горле.

— Аделина, — произнёс он тихо.

Это было впервые. Впервые он назвал меня по имени.

Я почувствовала, как внутри что-то дрогнуло, как струна. Это было опасно. Это было нельзя. Я скривилась в самой злой, самой презрительной усмешке, на какую была способна.

— Не смей, — сказала я. — Мы не друзья. Не думай, что я забыла, чья ты собственность. Кольцо с гравировкой всё ещё лежит на моей подушке.

Кайен выдержал паузу. Потом кивнул и произнёс совсем другим, деловым голосом:

— Хорошо. Тогда о деле. Ты заметила что-нибудь странное?

— В смысле?

— Проктор нашёл кольцо слишком быстро. Он открыл дверь, подошёл к кровати и достал из-под подушки. Без поисков, без вопросов, без осмотра комнаты. Как будто точно знал, где искать.

Я замерла. Он был прав. Я даже не успела заметить.

— Значит, Гальден, — сказала я.

— Либо Гальден, либо тот, кто ему сказал. В любом случае у него есть связь с настоящим виновником.

— Хорошо. — Я улыбнулась. Теперь уже по-настоящему злодейской улыбкой. — Тогда придётся навестить его кабинет.

— Вальморен.

— Что?

— Не делай глупостей.

— Глупостей? — Я прижала руку к груди. — Рейвен, я самое умное существо в этой башне. Отвернись, пожалуйста. Мне нужно переодеться.

Он закатил глаза, но отвернулся.

К ночи, когда в Арканум стихли шаги, мы нашли проктора Гальдена в дальнем конце восточного коридора. Он возвращался с вечернего обхода, звеня связкой ключей, и шёл медленно, по-стариковски.

Я вышла из-за колонны с таким видом, словно оказалась там совершенно случайно.

— Проктор! Простите, я хотела спросить о взыскании. Можно уточнить сроки?

— Завтра, мисс Вальморен.

— Но мне хотелось бы сегодня. Из чувства ответственности.

Он раздражённо отмахнулся и повернулся ко мне боком. Этого было достаточно. Два пальца, лёгкое движение, едва заметное касание пояса. Связка ключей исчезла в моём рукаве, как рыба в воде.

— Спокойной ночи, проктор, — сказала я самым ангельским голосом.

Он ушёл, ни о чём не догадываясь.

Кайен, стоявший у колонны, смотрел на меня с ужасом.

— Ты только что обокрала проктора.

— Я его взяла в аренду. Верну до рассвета.

— Это называется воровством.

— Это называется творческим подходом к расследованию. — Я подбросила связку на ладони. — Идёшь?

Он вздохнул. Потом поднёс руку к лицу и очень медленно, очень выразительно потёр переносицу.

— Иду, — сказал он. — Но когда нас поймают, я буду всё отрицать.

— Ты же честный.

— Я честный. Но не самоубийца.

И мы вдвоём, как два заговорщика, зашагали по тёмному коридору. Я сжимала ключи. Он молчал. А где-то в глубине груди, в той части, куда я давно запретила себе заглядывать, тихо шевелилось одно очень неприятное и очень тёплое чувство.

Я не собиралась его благодарить.

Но и не собиралась забывать, что он только что соврал целой комиссии ради меня. Ну, не соврал. Выдал мою мелкую подлость. Что, в сущности, ещё более романтично.

Конец седьмой главы

Глава 8. Шкаф, или История повторяется

Кабинет проктора Гальдена располагался на третьем этаже, и пах так, как пахнут люди, которые двадцать лет подряд отбирают у студентов шпаргалки: старой бумагой, чёрствым печеньем и тихой злобой.

Я перебрала связку ключей и нашла нужный с третьей попытки. Замок щёлкнул. Кайен проскользнул следом и закрыл дверь так аккуратно, будто она была хрустальной.

— Двадцать минут, — прошептал он. — Не больше.

— Я справлюсь за десять.

— Ты никогда не справляешься за десять. Ты всегда отвлекаешься на что-нибудь блестящее.

— Я не сорока.

— Ты хуже. Сорока хотя бы возвращает.

Я показала ему язык и принялась за стол. Он занялся шкафами с документами у стены.

Первый ящик: конфискованные записки, карточки с формулами, одна колода гадальных карт (с пометкой «возвращение владельцу, не подлежит»). Второй ящик: стопка студенческих работ. Я пролистала их из любопытства и обнаружила на каждой работе пометки красным: «почерк», «наклон», «хвост буквы». Рядом лежали образцы подписей. Десятки. И среди них мой почерк, с датами, с приложенными листочками, на которых кто-то тщательно, строка за строкой, перерисовывал мои завитки.

У меня волосы встали дыбом.

— Кайен.

— Что?

— Иди сюда.

Он подошёл, наклонился. Я почувствовала его дыхание над самым ухом, и мне пришлось очень сосредоточиться, чтобы не потерять мысль.

— Образцы, — сказал он тихо. — Гальден собирал твой почерк.

— Он учился меня подделывать.

— Или собирал для кого-то.

В третьем ящике, под фальшивым дном, обнаружился кожаный блокнот. Я открыла его и пробежала глазами по строчкам. Даты. Суммы. Короткие пометки: «услуга», «доставка», «пропуск в архив». Напротив каждой строки стояла одна и та же буква: «М.»

— Кто-то платил ему регулярно, — прошептала я. — Каждый месяц. Последние полгода.

— Сколько?

— Меньше, чем стоит мой шарф.

Кайен усмехнулся, и я почему-то сердито на него глянула.

На последней странице блокнота торчало что-то посторонее: половинка сожжённого письма. Углы обуглились, но середина уцелела. Строки были написаны красивым, чётким почерком с наклоном влево.

«…Вальморен должна сама пойти в архив совета и взять страницу. Не мешайте. Пусть возьмёт и попадётся с ней в руках. Тогда никто не усомнится. День основателей — идеальный повод. М.»

Я перечитала письмо дважды. У меня вдруг стало очень сухо во рту.

— Корделия, — тихо сказал Кайен.

— Нет.

— Она просила тебя именно об этом. Вытащить страницу.

— Она могла быть пешкой, как и я. Как и мама двадцать лет назад. Кто-то манипулирует ею, чтобы добраться до меня.

— Или она сама…

— Или она сама, — согласилась я. — Но «М.» это не «К.», Рейвен. Это не Корделия.

— Мерсер, — произнёс он. — Леди Мерсер. Колье, из-за которого всё началось.

Мы переглянулись. Это было слишком красиво, чтобы быть простым совпадением.

В коридоре скрипнула половица.

Мы замерли. Из замочной скважины потянуло сквозняком. Потом совсем рядом, за дверью, раздался голос проктора, ворчащий, усталый:

— Куда я их дел, проклятье… Ключи, ключи…

Кайен схватил меня за локоть.

— В шкаф, — выдохнул он.

— Опять?!

— У тебя есть другие идеи?

У меня их не было. Огромный дубовый шкаф в углу был единственным местом, где мы могли поместиться. Мы влезли туда одновременно, он захлопнул дверцу за мгновение до того, как открылась входная.

В шкафу было темно, душно и невыносимо тесно.

Я оказалась спиной к его груди, зажатая между стенкой шкафа и его руками. Он упирался ладонями в дерево по обе стороны от меня, стараясь не касаться, но в таком пространстве это было физически невозможно. Я чувствовала тепло его тела сквозь тонкую ткань формы. Чувствовала, как бьётся его сердце. Чувствовала, как моя собственная шпилька впивается ему в подбородок.

— Не двигайся, — шепнул он мне в волосы.

— Я не двигаюсь.

— Ты дышишь.

— Это жизненно необходимо.

— Дыши тише.

Проктор бродил по кабинету, шаркая ногами и бормоча проклятья. Мы замерли. Время растянулось на целую вечность. Кайен стоял так близко, что его дыхание щекотало мне шею, и в какой-то момент я с ужасом поняла, что у меня подкашиваются колени.

«Это от духоты», — сказала я себе.

«Ты врёшь», — ответило что-то внутри.

Наконец проктор, не найдя ключей, выругался на весь кабинет, хлопнул дверью и ушёл. Мы ждали ещё минуту. Потом ещё одну. Потом, одновременно, шумно выдохнули.

— Выходим, — сказал Кайен.

— Выходим, — согласилась я.

Мы оба не шелохнулись.

Я попыталась повернуться, чтобы открыть дверцу, но что-то потянуло меня обратно. Я дёрнулась ещё раз, и Кайен поморщился.

— Не двигайся.

— Что такое?

— Твоя лента. Она зацепилась за пуговицу.

Я опустила глаза. В темноте я ничего не видела, но ощутила тонкую атласную ленту, которой была перехвачена моя причёска. Она запуталась в пуговицах его рубашки, и, судя по ощущениям, довольно основательно.

— Распутай, — прошипела я.

— Пытаюсь.

— Быстрее.

— Если будешь дёргаться, придётся рубашку снимать.

На мгновение в шкафу стало очень тихо.

— Я не это имел в виду, — быстро добавил Кайен.

— Я поняла.

— Просто пуговицы…

— Я поняла!

Я чувствовала, как горят щёки. И знала, что он видит это даже в темноте, потому что я физически ощущала жар, которым от меня несло. Его пальцы осторожно возились с лентой возле моей шеи, а его дыхание касалось моего уха, и каждое лёгкое движение отзывалось у меня в позвоночнике, как удар колокола.

— Готово, — хрипло сказал он.

Я вывалилась из шкафа так, словно за мной гнались. Оправила юбку, поправила причёску, нащупала ключи (на месте, слава богам) и яростно смотрела в стену.

— Забудь, — сказала я.

— Что?

— Всё, что было в шкафу. Это не считается.

— Конечно, — ответил Кайен поспешно. — Ничего и не было.

Мы оба не смотрели друг на друга. Лица у нас обоих были красные, как варёные раки.

Кайен шёл за Аделиной по тёмному коридору и старался смотреть исключительно на стену.

Это было непросто.

Потому что в голове у него стоял другой образ: тёмный шкаф, растрёпанные волосы, лента на пальцах и запах её волос, дикий, горьковатый, будто кто-то спрятал в них лимонную цедру. Он прекрасно понимал, что смотреть на неё так нельзя. Нельзя даже думать об этом.

У него была Лиара.

Лиара, которая ждала его в соседнем крыле. Лиара, которая принесла ему суп даже в тот вечер, когда застала его в шкафу с другой. Лиара, которая сказала: «Я знаю, что ты не изменник, просто будь осторожнее». Лиара, с кольцом, на котором были выгравированы их инициалы. Девушка, которую он любил по-настоящему, по-тихому, по-взрослому. С которой его ждала целая жизнь, чёткая и правильная.

А Аделина Вальморен была ураганом. Ураганом в красивом платье, воровавшим ключи у проктора и подмешивавшим соль в кофе.

Кайен сжал кулаки.

Ему нельзя было засматриваться на неё. Нельзя было замечать, как она щурится, когда злится. Как закусывает губу, когда думает. Как гордо вскидывает подбородок, когда ей страшно. Нельзя было помнить, что у неё дрожали руки, когда она его целовала.

Он дал себе слово: никаких шкафов, никаких прикосновений, никаких долгих взглядов. Они работают вместе только ради дела. Он выведет её на чистую воду, поможет оправдаться и вернётся к своей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.